

31 августа (13 сентября)

Священномученик
Михаил Косухин

Священномученик Михаил родился 7 января 1858 года в селе Яринском Калязинского уезда Тверской губернии в семье священника Александра Васильевича Косухина. После увольнения из 2-го класса Вифанской Духовной семинарии в 1875 году, он 33 года учительствовал в земских начальных школах Калязинского и Корчевского уездов.

27 января 1909 года Михаил Александрович был определен псаломщиком к Спасской церкви села Погорельцы Корчевского уезда. 21 ноября 1910 года он был перемещен к Казанской церкви села Зятькова Калязинского уезда, а 16 декабря 1912 года рукоположен во диакона с оставлением на псаломщической вакансии в той же церкви. 5 февраля 1914 года диакона Михаила перевели в Иоанно-Предтеченскую церковь села Кузьминского Тверского уезда. 25 апреля 1918 года отец Михаил сдал экзамен епархиальной комиссии на право быть священником, и 2 ноября 1919 года был рукоположен во священника к Никольской церкви села Дымцево Бежецкого уезда, где он и прослужил до своего ареста.

В тридцатых годах из родных у него остались братья, один из которых жил в Польше, другой – священствовал в Тверской области, а третий был хирургом в Касимове, и дочь-девица Антонина, учительница до революции, которая и помогала престарелому отцу. До 1929 года о. Михаил имел хозяйство, состоявшее из лошади, коровы, трех десятин земли и пятидесяти семей пчел, но в том году все хозяйство и имущество было изъято, дом был отобран, и они с дочерью поселились в церковной сторожке. Самого священника власти тогда не арестовали и не выслали, полагая, что поскольку священнику уже за семьдесят лет, то он сам вскоре умрет или не в силах будет служить, и тогда храм все равно будет закрыт.

Этого, однако, не случилось – священник служил и служил, а его преклонный возраст и близость смерти придавали ему еще более решимости и дерзновения. И он не упускал ни одной возможности для проповеди. За эту ревность по Богу и о спасении душ вверенного ему Господом словесного стада прихожане любили его и готовы были всегда прийти к нему на помощь.

Власти, видя решимость и непреклонность священника, начали его преследовать. Пользуясь тем, что церковная сторожка, где жил о. Михаил, стояла за пределами церковной ограды, районный и областной исполкомы постановили выселить священника, отобрать у храма здание сторожки для размещения в нем ветеринарной лечебницы. Председатель Дымцевского сельсовета стал требовать, чтобы священник ушел из сторожки, он приходил к нему с этим требованием неоднократно, но о. Михаил всякий раз отвечал, что ни при каких обстоятельствах не покинет церковного здания.

Тогда в воскресенье 25 марта 1936 года председатель сельсовета велел выставить рамы в сторожке, и так как в это время на улице было еще очень холодно, то он надеялся, что священник сам уйдет из дома. Но этого не случилось. В тот же день о. Михаил после воскресного богослужения и проповеди сказал, что поскольку сельсовет вынул у него в доме рамы, то он обращается к

прихожанам, чтобы они просили власти вернуть ему рамы, так как на дворе еще холодно.

В храме в это время присутствовало около ста пятидесяти человек, и все они прямо из храма пошли к сельсовету. Председатель, напуганный идущей к сельсовету толпой, запер все двери и спрятался. Люди, найдя все двери запертыми, стали ходить вокруг дома, и, зная, что председатель сельсовета находится внутри, кричали ему, чтобы он возвратил оконные рамы, но тот никаких признаков жизни из дома не подавал, и прихожанам пришлось в конце концов разойтись.

Рамы не были возвращены, но о. Михаил не ушел из церковной сторожки; прихожанам он говорил: «Я из дома никуда не пойду, я стар и ничего не боюсь». Выселить его из церковной сторожки насильно местные власти не посмели, и он с тем же бесстрашием продолжал служить и проповедовать. К Пасхе того же года за исправную службу он был награжден архиереем наперсным крестом.

Только через год, при наступлении повсеместных гонений, о. Михаил был арестован и заключен в бежецкую тюрьму. Незадолго перед этим священнику исполнилось семьдесят девять лет; он тяжело болел и в течение нескольких месяцев не вставал с постели, передвигался только с помощью дочери. Приехавшие сотрудники НКВД, подняв за руки и за ноги, забросили его в машину и увезли в тюрьму. Вызванный для медицинского освидетельствования врач поставил диагноз: миокардит, и как следствие – отечность ног; полное отсутствие зубов, старческая дряхлость. К физическому труду тюремный врач признал его непригодным.

Начались допросы.

– Какие проповеди и наставления вы давали верующим, касающиеся советской власти?

– Я верующим проповедовал часто, но о советской власти и политике ничего не говорил.

– Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении о проведении вами контрреволюционной деятельности?

– В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

2 августа следствие было закончено, и дело направлено на рассмотрение тройки НКВД, которая 10 августа приговорила священника Михаила Косухина к расстрелу.

В результате ли действий следователя Ильи Тихоновича Голофаства, который допрашивал о. Михаила, или тяжелых условий содержания в переполненной камере тюрьмы, но у священника оказалось сломанным левое бедро, он не мог ходить и не смог бы и добраться до места расстрела. 16 августа по распоряжению администрации тюрьмы о. Михаил был переведен в бежецкую городскую больницу, где прожив, приговоренный к расстрелу, 29 дней, 13 сентября 1937 года скончался.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)